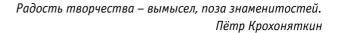

Ярославль 2019

Выставочный зал Ярославского областного отделения ВТОО «Союз художников России»

Творчество художника Петра Борисовича Крохоняткина уникальное явление в современной культуре Ярославля, в которой он стал, что называется, «белой вороной». Официальные представители этой культуры относились к его произведениям с большим подозрением, с некоторых пор, вообще перестали допускать их к показу широкой публике. Так и случилось, что с его творчеством смогли знакомиться лишь очень немногие — друзья, художники, коллекционеры.

Впервые я увидела картины Петра Крохоняткина в Ярославском художественном музее, куда пришла работать в 1972 году. Тогда в залах музейного отдела советского искусства экспонировались два его задушевных лирических пейзажа — «Ночь на реке Сутке» (1954) и «Старая мельница» (1958), которые заметно выделялись среди произведений других авторов глубокой сокровенностью художественных образов. Следующая по времени создания музейная картина Крохоняткина «Ярославский вечер» (1961). В ней запечатлен панорамный пейзаж летних, чарующе-нежных сумерек на берегу реки Которосль, с лодочками у воды, со стоящей на мосточках стройной девушкой, что засмотрелась вдаль, туда, где в дымке тумана виден древний Спасо-Преображенский монастырь и силуэты старинных церквей города.

Потомок знатного купеческого рода ярославских купцов Крохоняткиных Петр Борисович родился и рос в провинциальном городке Нерехта Костромской области. Из автобиографии известно, что его отец окончил Московский университет и работал в районном земельном отделе. Мать окончила Ярославскую частную женскую гимназию О. Н. Корсунской, преподавала немецкий язык в школах. Рисовать начал рано, срисовывая с дореволюционных открыток полюбившиеся картины. Среди сохранившихся таких работ - копия с картины Виктора Васнецова «После побоища Игоря Святославовича с половцами», написанная юным Петром в 1941 году, в возрасте 12 лет. Из детства в его творчество пришло обостренное чувство любви к родине, к людям и ко всему живому. В годы войны случилось раннее взросление, когда пришлось познать всю крестьянскую работу, заменяя, ушедших на войну, мужиков и парней. В 1944 году, окончив 7 классов школы, поступил в Ярославское художественное училище. О дальнейших ступенях образования свидетельствует: «В 1949 году, после окончания художественного училища, поехал в Ленинград, полный надежд поступить в священный храм искусства – в Академию художеств. Но туда я не попал. Слишком провинциальным, очевидно, был мой вид, хотя подготовка была не хуже, чем у тех, кто поступил. Чтобы не терять время, я поступил в Штиглица (Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной). А на следующий год, в 1950-м, не стал вторично испытывать судьбу, поехал в Москву и поступил, к великой радости, в

Честная Антонина Алексеевна (Тарасова, бабушка), Честная Валентина Павловна (мать), Честной Павел Александрович (дедушка) Честная Валентина Павловна (мать)

Суриковский институт». Его педагогами были известные мастера советского искусства — П. Д. Покаржевский, И. М. Лейзеров, Ф. П. Решетников, В. Г. Цыплаков, В. К. Нечитайло и другие.

Творческий конфликт с руководством Ярославского союза художников возник у Петра Крохоняткина не сразу. Поначалу все складывалось для него благоприятно. В 1956 году, по окончании института, стал преподавать в Ярославском художественном училище. В 1960-м - принят в ряды Союза художников СССР. Он – активный участник областных, зональных, республиканских и всесоюзных выставок. В 1965 году с успехом проходит его выставка в Ярославле (совместная с ярославскими художниками П. А. Макашиным, А. Ф. Булдыгиным, Н. П. Флоринским и А. А. Егоровым). Тогда художник представил зрителям около двухсот своих произведений (живопись, монотипию, линогравюру). Качественное художественное образование, общая культура, талант и мастерство, редкий живописный дар (живописец милостью Божьей - говорили о нём восторженные поклонники) - всё это могло стать отличным стартом для успешной публичной карьеры. Но, увы... В это время он уже создавал произведения, которые не могли быть показаны на выставках из-за их несоответствия главенствующему направлению советского искусства - методу социалистического реализма, призванному показывать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой должна быть.

Одним из таких произведений стало большеформатное полотно «Возвращение на родину» (1962), посвященное белоэмигрантам. По воспоминаниям дочери Петра Борисовича Ирины, однажды мастерскую художника посетили французы – потомок графа Воронцова и с ним две дамы. Их сопровождали сотрудники Комитета государственной безопасности. Дамы – русские француженки, глядя на картину, тихонько плакали, а Воронцов сказал художнику: «Если бы вам позволили продать картину во Францию, то вы были бы очень богатым человеком». Сделать это было невозможно. Разрешения на вывоз из страны произведения идеологически неоднозначного содержания никто бы не дал. Картины «Палач» (1960) и «Вальс. На сопках Маньчжурии» (1972) также показывал только в мастерской.

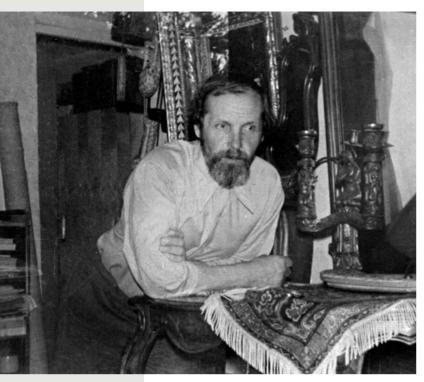
Предельной драматической выразительностью наполнялась и пейзажная живопись Крохоняткина. Один из примеров тому «Пейзаж с колодцем» (1978) — уголок деревушки ранней весной вечером. Темпераментными, плотными и сильными мазками будто вылепил живописец мощные, материальные объемы изб, покосившегося колодца, старых деревьев с грачиными гнездами. Всё это на фоне солнечного заката, воспринимается как единый тональноцветовой сплав, контрастный золотоносному свету. Пейзаж удивительно сродни иконе. В нём опустевшая русская деревня подобна потемневшему от времени святому лику, таинственно подсвеченному золотом нимба — символа веч-

3. А. и П. Б. Крохоняткины

П. Б. Крохоняткин

П. Б. Крохоняткин

Л. Пузин, П. Крохоняткин, ?, ?, Ю. Жарков

ности. Картинный образ природы пронизан тревожным настроением борьбы всего живого за жизнь.

Интуитивно, размышляя и задаваясь вопросами, исследуя и свою судьбу, её превратности, пришел он к глубокому пониманию жизни как величайшей драмы, в которой человек вынужден принимать участие. Картины художника мало поддаются словесному пересказу, но так созвучны его словам: «Наша жизнь - миг, сознание смертности, неспокойствие, состояние беспомощности, грань возможного и невозможного, предел, дальше которого пути нет. Не светлая прямая дорога, увешенная регалиями и кумирами, со звёздами и торжественными маршами, с указующими знаками и светофорами, приглашающими следовать намеченным курсом, а ползанье на четвереньках в кромешной тьме с душой, изодранной в кровь в поисках опоры и значимости, с надеждой на исход. Это жажда, подобная той, которую испытывает человек, перешедший бесконечную пустыню, хотя там, на конце может и ждать его палач с топором». Судьба – врожденный путь человека, неведомый в начале, но видимый в конце. Ярче всего это выражено в одной из самых загадочных картин Крохоняткина, в картине «Рождение истины. Купель» (1975), где трогательный, обнаженно-беззащитный младенец (Иисус) предстает перед нами не в нежных объятиях любящей матери (Девы Марии), а в окружении, поджидающих, стерегущих жертву, безжалостных палачей.

Нежелательным для атеистического советского искусства было и обращение художника к вечным темам — библейским сюжетам, которым находил аналогии в современной жизни. Такова картина «Поцелуй Иуды», толчком к созданию которой послужило предательство друга-художника, которому неосторожно сказал, что не будет писать портрет Ленина (заказ Художественного фонда) по причине своих убеждений. А тот сообщил «куда следует» о его неправильных убеждениях. Петр Борисович простил предательство. И удивительно, что бывший предатель стал его самым преданным и бескорыстным другом на всю оставшуюся жизнь. В картине царит дух времени, в котором Крохоняткин был центром притяжения для друзей и молодых, ищущих свой путь в искусстве, ярославских художников.

Резкий поворот в судьбе художника произошел в 1984 году, когда пришлось ему срочно уехать в деревню к тяжело заболевшей теще. С той поры деревня Поповка — родина жены Зинаиды Алексеевны (тоже профессионального художника) — была его постоянным местом жительства. О неожиданной перемене в жизни Петра Крохоняткина в художественной среде Ярославля разговоров было немало. Многих он своим поступком озадачил. Расстояние от Ярославля до деревни — четыре часа на электричках, и еще пешком от станции. А он, уехав из города, словно вернулся «на круги своя», к тому, с чего начиналась жизнь. В Ярославль приезжал изредка, уже отрешенным от городской суеты и выглядел значительно моложе возраста. Бывая в городе, заходил и к нам домой. Мне запомнилось от-

В Ярославском художественном музее 1 ноября 1982 г. на выставке художника Н. А. Эстиса, запрещенной к показу публике. В. В. Литвинов, Я. Д. Тихменев, Н. И. Тихменева, В. Г. Калнин, Н. В. Кукушкина (Воинова), Н. А. Эстис, Л. Л. Юрова,

ношение к Петру Борисовичу моей воцерковлённой мамы. Она смотрела на него с выражением удивленного благоговения, как на святого, и не раз говорила: «Какой достойный человек!».

И в деревне, повседневно занятый крестьянским трудом, Петр Борисович находил время для творческой работы. Писал быстро, немногословно, воплощая в картинах самую суть изображенного сюжета. Такой немногословно-выразительный язык живописи он выработал много раньше. Понять, как это случилось, поможет нам высказывание самого художника: «Я не хочу говорить красивые слова об искусстве и, тем более, о жизни. Это не моё средство общения с людьми, ибо не что иное, как красота включает в себя и понятие глобальной лжи». Творческие принципы, которым следовал неотступно, выразил так: «Моя жизнь заключается не в том, чтобы показывать ремесло, а в том, чтобы проповедовать свое мировоззрение. Я хочу, чтобы люди думали». О том же, но другими словами, сказал когда-то и Леонардо да Винчи: «Простота — это то, что труднее всего на свете. Это крайний предел опытности и последнее усилие гения».

Творчество было насущной необходимостью художника Петра Борисовича Крохоняткина. А признание своего искусства считал, как бы, необязательным, избыточным. Не хотел тратить ни сил, ни времени на организацию и проведение персональных выставок. Не был этим озабочен. В правоте своей жизни и творчества он был твердо убеждён сам.

Надежда Воинова, искусствовед

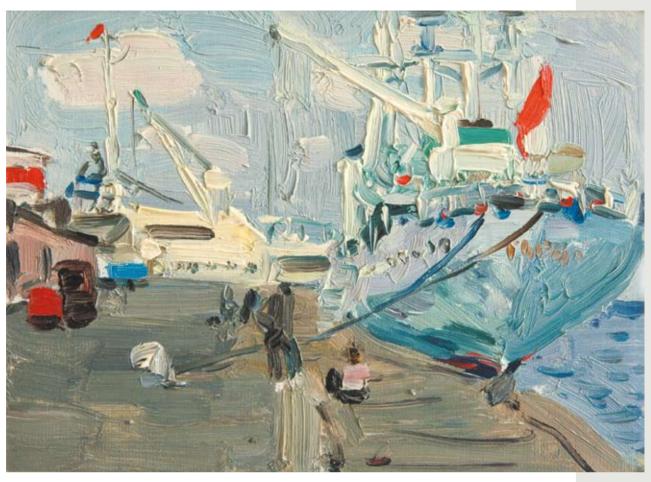
Ю. И. Семенюк, Н. В. Воинова, П. Б. Крохоняткин

Обоз. 1959. К., м. 33×13. 13×33 Большой корабль в порту. 1965. К., м. 11×14 Фонтан. 1965. К., м. 13×15

Крым. Большой теплоход. 1965. К., м. 15×15 Крым. Площадь. 1965. К., м. 13×15

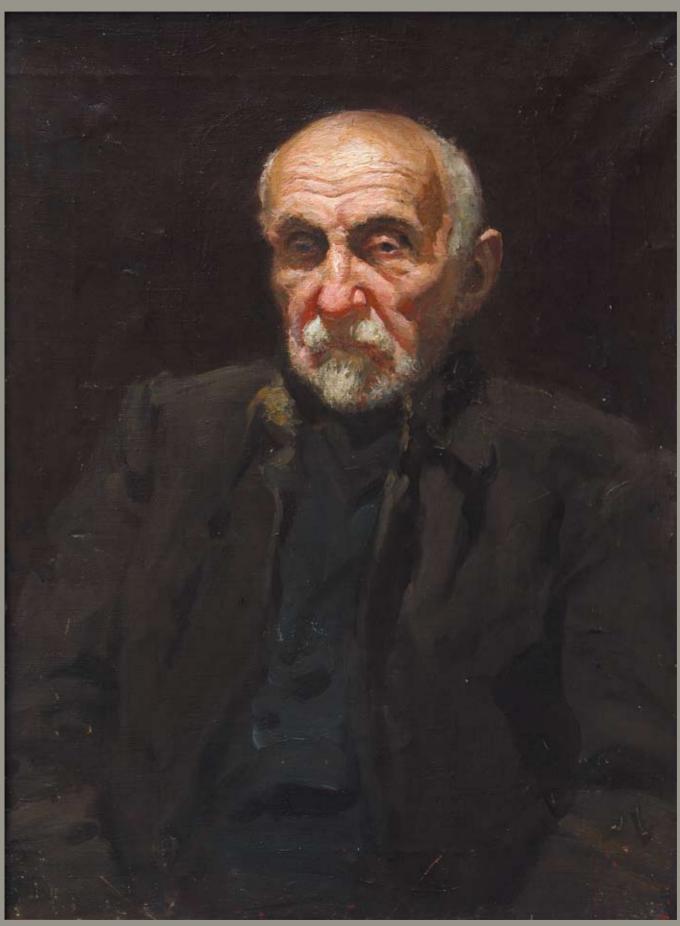

Вечер на Клязьме. 1955. К., м. 13×25 Пристань. 1955. К., м. 25×18 Церковь Николы Рубленого. 1958. К., м. 24×35

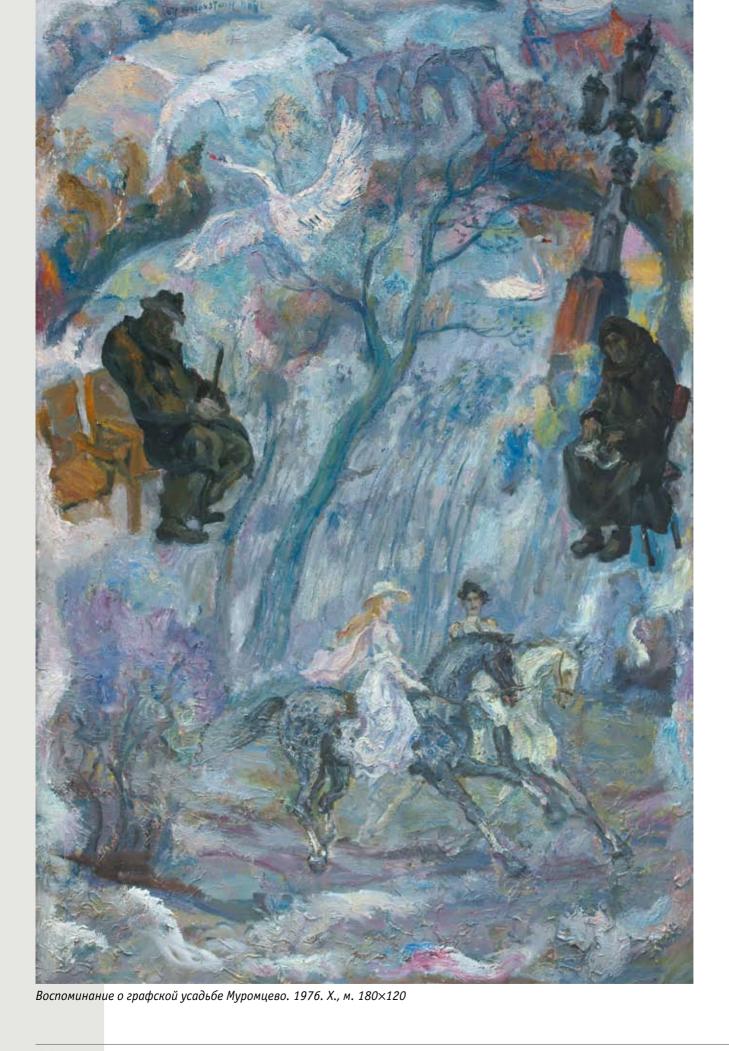

Портрет Честного Павла Александровича. 1960. X., м. 65×48

Городские крыши. Дождь. 1958. К., м. 23×35 Лето. Конец июля. 1957. К., м. 33×40

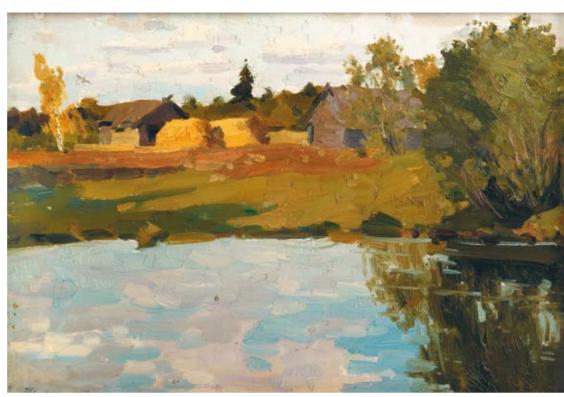

Ярославль. Волковский театр. 1953. К., м. 25,5×34 Зимняя река. 1957. К., м. 24×35

Портрет 3. А. Крохоняткиной. 1961. К., м. 46×30 Начало осени. 1959. К., м. 34,5×50

Впервые я узнал о художнике Петре Борисовиче Крохоняткине по его картине «Старая мельница» (1958) в Ярославском художественном музее. Эта картина привлекла мое внимание левитановским настроением, которым я и многие тогда увлекались. Позже, когда, после окончания Ярославского художественного училища, меня приняли на работу в художественный фонд, я стал ближе знакомиться с Петром Борисовичем (Петей).

Он, несомненно, был художником в мыслях, словах и поступках. Это был высококультурный, образованный, приятный в общении человек. Я никогда не слышал от него грубого слова или чтобы он повысил на кого-то голос. При нем всегда был видавший виды большой кожаный портфель, в котором Петя носил разные интересные вещи: принадлежности для рисования, острый нож и стамески для резьбы по дереву, а также маленькие дощечки, на которых он вырезал свои удивительные композиции-рельефы.

Он всегда был в работе, даже когда ничего не делал руками. Его внимательные глаза постоянно «рисовали». Где-то в середине восьмидесятых он вдруг поразил многих из нас работами, которые привез из командировки «на село». В те годы нас привлекали каждую осень в колхозы и совхозы помогать в оформлении сельских клубов. Так вот, тогда Петр привез 70 или 80 интереснейших работ на тему деревенской жизни. Его как «прорвало». Он обрел свой пластический стиль, выразительный и точный, позволявший художнику быстро и уверенно писать, рисовать, а также вырезать на дереве свои лаконичные композиции о жизни простых людей.

Как ни печально говорить об этом, но с той поры на него ополчились те художники, которые (по невежеству) считали себя более «правильными». На самом же деле — это вечная проблема «Моцарта и Сальери», которая присутствует почти в каждом творческом коллективе. Мы, «молодежь» часто бывали в его мастерской. Он всегда показывал свои новые (весьма многочисленные) работы. Мы обычно много говорили, спорили об искусстве, надеясь обрести свой путь, своё лицо. Иногда на этих встречах Петя «крестился» двухпудовой гирей. Нашим восторгам не было предела!

Но вот наступает день, когда Петр вдруг уезжает из города в деревню по важным семейным обстоятельствам. Мы думали, что это временно, но оказалось — навсегда. Пошли слухи, разговоры: почему, зачем? ... А он, как оказалось, был вынужден заниматься сельским хозяйством: ухаживать за пчелами, огородом, домом, коровой и т. п. Стал в одиночку строить из бревен себе мастерскую. При этом Петр не снижал и своей творческой деятельности. В этом я убедился, когда случайно попал к ним в деревню (в 2008 году). Петя показал тогда много картин внушительных размеров о жизни своих односельчан. Была среди этих картин одна, особо поразившая меня: мужик косит траву на бескрайнем поле. Эта трава, удаляясь к горизонту, превращается в волнующее море, где сливается с небом. Я вдруг понял, что это Петя о себе написал картину.

Его наследие огромно: живопись, рисунки, деревянные рельефы, стихи, и записи его мыслей об искусстве, о жизни. Насколько мне известно, такого человека-художника еще не было в изобразительном искусстве.

Виктор Назарович Решитов, художник, педагог

Плетень с криночками. 1997. К., м. 33×78 Курочки. 1952. К., м. 34,5×50

Владимирские проселки. 1959. К., м. 21×32 Переправа. 1955. К., м. 18×35 Деревня на берегу озера. 1958. К., м. 40×51

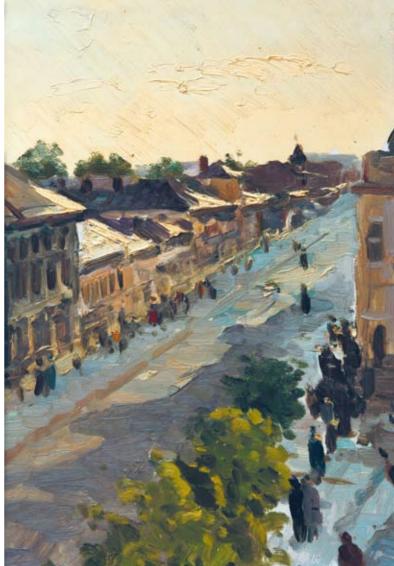
Портрет матери Валентины Павловны Крохоняткиной (Частная). 1966. Х., м. 60×45 Рожь и васильки. 1959. К., м. 35×24 Родительский дом жены Зинаиды Алексеевны Крохоняткиной (в дев. Зернова). 1960. Х., м. 40×50

Зеркальная гладь. 1959. X., м. 63×78 Пасмурное утро. 1958. К., м. 17×31

Портрет мужчины. 1956. Х., м. 70×45 Ярославль, ул. Свободы. 1959. К., м. Банька у реки. 1955. К., м. 35×51

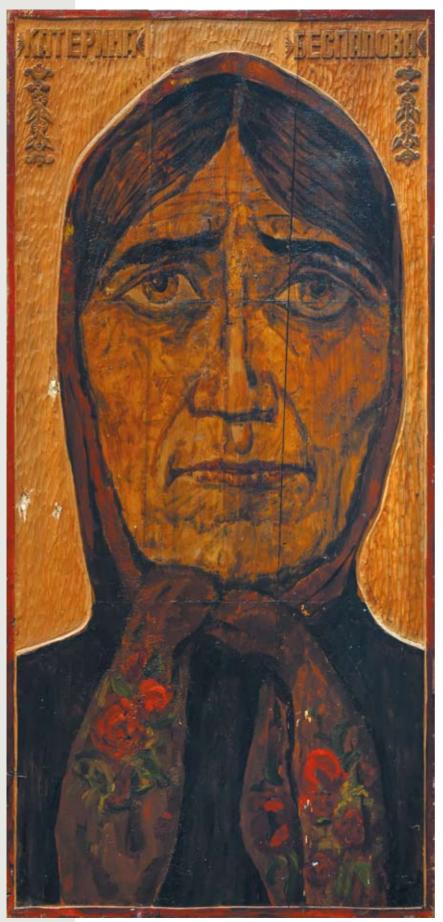

Дети Ирина и Платон. 1963. К., м. 70×50 Тихая речка. 1958. К., м. 44×35

Сенокос. Хмурый день. 1958. К., м. 25×32,5 На родник за водой. 1958. К., м. 49×69,5

Катерина Беспалова. 1969. Резьба по дереву. 122×58. Жила в Нерехте. В войну погиб муж и 5 сыновей. Доживала одна

Потерянная Россия

Посвящено Катерине Беспаловой. Она жила в Нерехте с семьей. У нее было пять сыновей и муж, и все погибли в войну. Осталась одна.

Затерялась в снегах бесконечных Позабытая Русь деревянная Слезы, слезы страданий извечных, В белом празднике боль постоянная.

Избы, избы, как пни почерневшие, Как кресты на могильных холмах, С горькой песней в душу засевшие На размытых дождями верстах.

Сторона ярославская, брянская... Тянет лед по весенней реке... Умирает Россия крестьянская На сыром и гнилом чердаке.

Смотрит хата глазами печальными Богородицы в темном углу, Отжила она снами венчальными, Гроб стоит на еловом полу...

Кто лежит в нем? Какое нам дело.. Померла здесь старуха в тоске. Снова красное солнце зардело, Снова тронулся лед на реке...

Помянули соседи ту, странную, Чем с рожденья им Богом дано, В печь одежду запрятали рваную И открыли в чуланке окно...

Вот и кончилась жизнь одинокой, Той, которую кто-то любил... Воет ветер над желтой осокой У заросших забытых могил.

Затерялась в снегах бесконечных Позабытая Русь деревянная. Слезы, слезы страданий извечных. В белом празднике боль постоянная.

Петр Крохоняткин

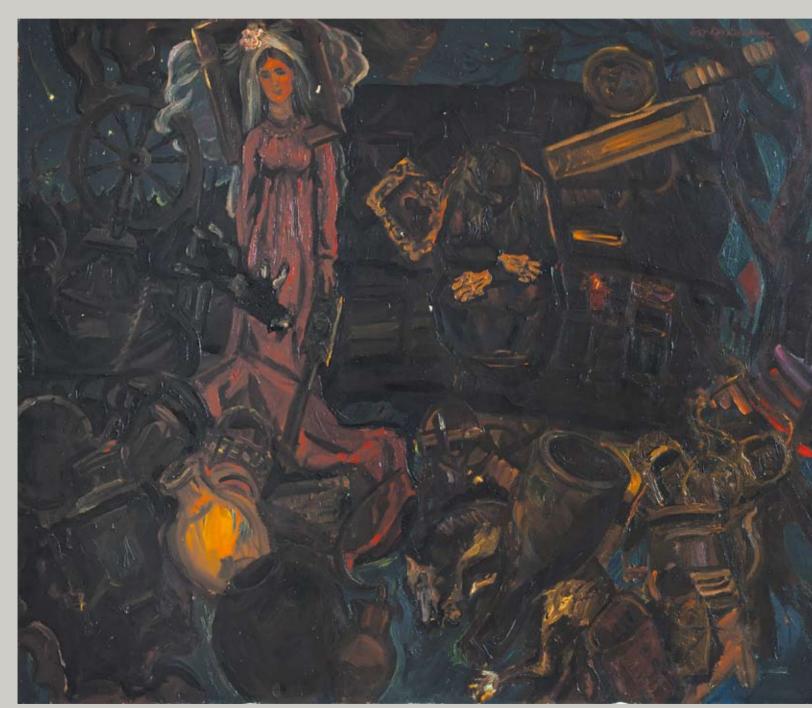
Родина

Помню родину мою, под соломой крыши... Расторопные снуют в риге старой мыши...

У плетня крапива в инее, лебеда да лопухи. И поют ночами синими золотые петухи.

А в сараях сена омут. Бродит брагой сенный дух. Поклонюсь венцу родному. Я — навеки твой пастух!

Петр Крохоняткин

Потерянная Россия. 1972. X., м. 125,5×150

Гомер. 1976. X., м. 176×85 Скрипач и дама. 1983. К., м. 42×30

Странник (или можно назвать Осень)

Там, над лесом, в ризе с сканью спас задумчиво повис, И блестит чеканной гранью на осине тонкой лист.

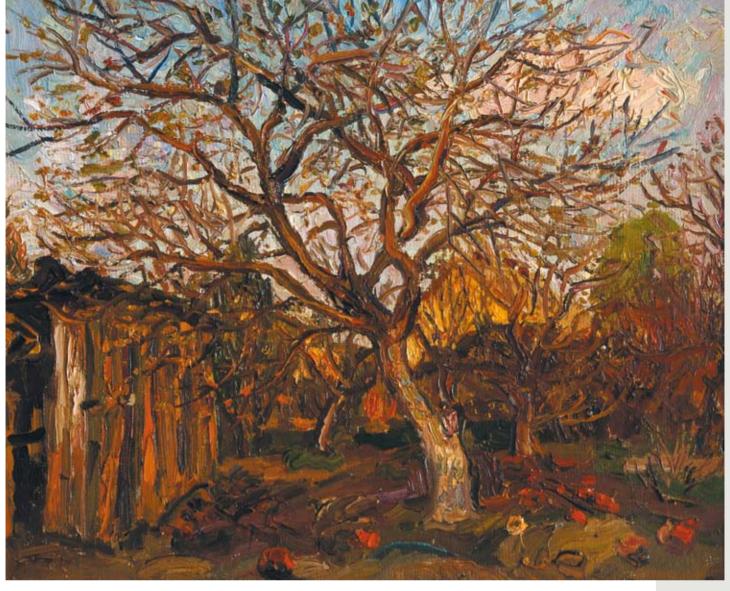
По буграм и котловинам бродит странник со свечой, Поднесет ее к осинам – вспыхнет вихрь огневой.

Вот, спустившись на излуку, в травах росных побродил. Опустив устало руку, пламень в воду уронил.

В ветках тонких закружился, из теней узор соткал, Сел на камень, помолился, и тихонько зарыдал.

Петр Крохоняткин

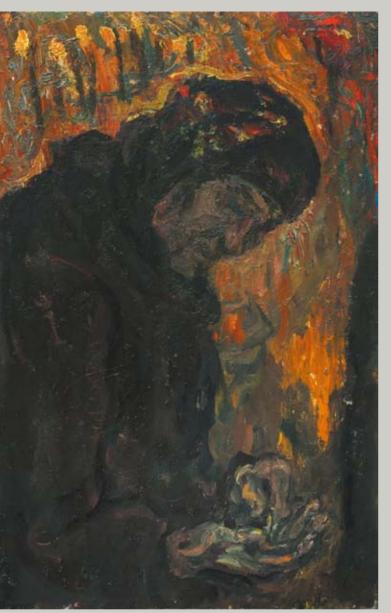
Старая яблоня. 1984. К., м. 36×44 Заброшенная усадьба. 1979. К., м. 35×44

В последний путь. Панихида. 1987. X., м. 100×115

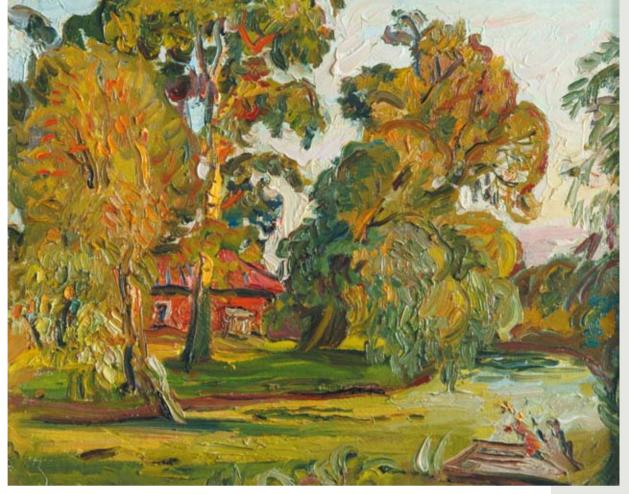
Поцелуй Иуды. 1973. X., м. 140×140

Старость.1980. К., м. 80×50 Две судьбы. 1985. К., м. Памяти Сережи Прянишникова. 1970. Х., м. 45×60

Вечер на Колокше. 1980. К., м. 45×35 Домики с холмами. 1981. К., м. 43×34

Любовь старого вора. 1982. X., м. 85×85

Яркий дом. 1976. К., м. 35×44 Весенний мотив. 1976. К., м. 35×44

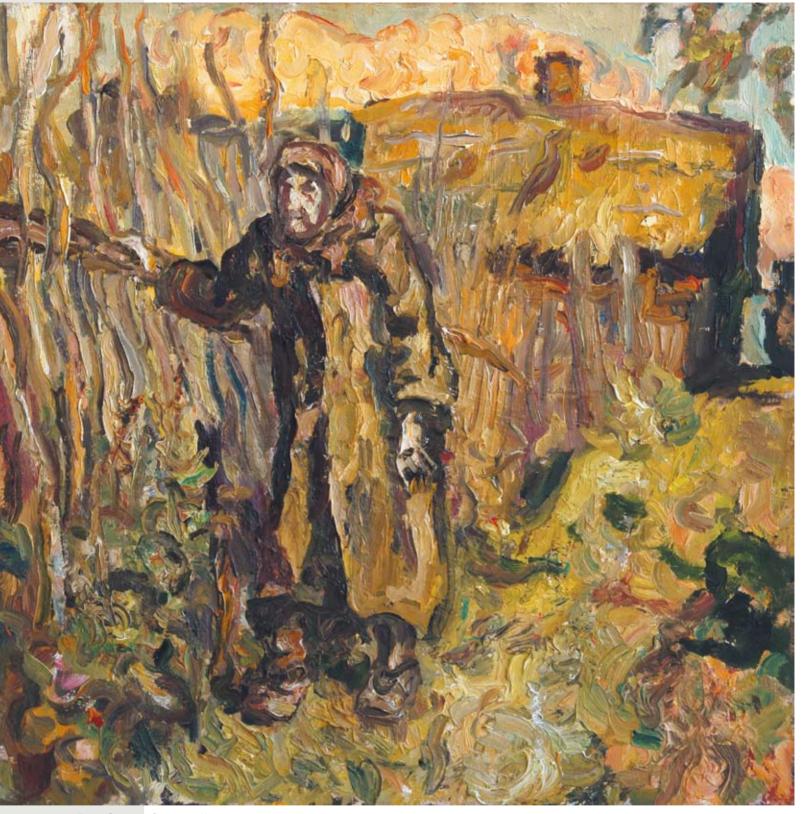

Радость. 1985. X., м. 112×123

День быка. 2004. Х., м. 82×88. Частное собрание

Последняя из деревни Караваево. 1988. X., м. 62,5×63

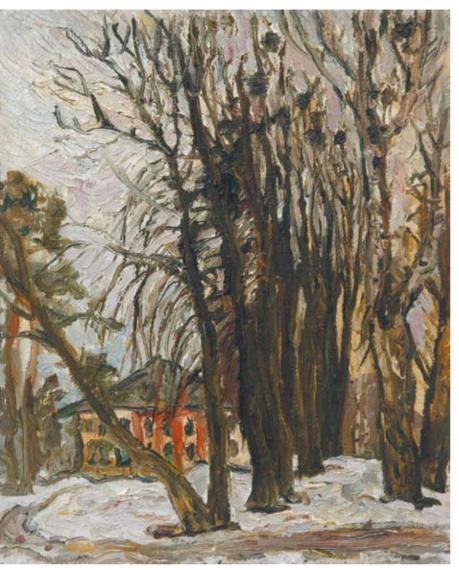

Пейзаж с ивами. 1980. К., м. 55×65 Колокша. 1980. К., м. 55×65

Март. 1982. К., м. 35×44 Колокша. Вечер. 1975. К., м. 35×44

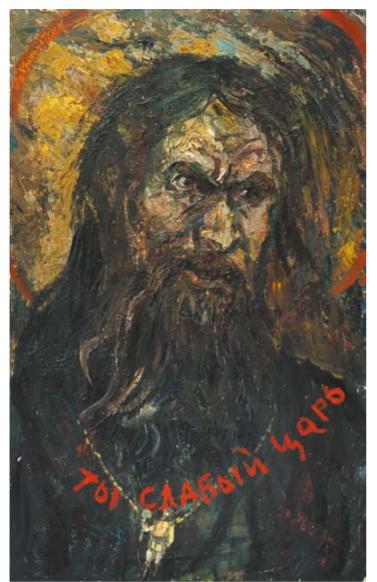

Аллея. Грачиные гнезда. 1976. К., м. 49×35 Автопортрет. 1972. Х., м. 56×41 Старый дуб. 1975. К., м. 35×48

Портрет Леонида Пузина – друга, поэа, художника. 1974. Х., м. 70×60

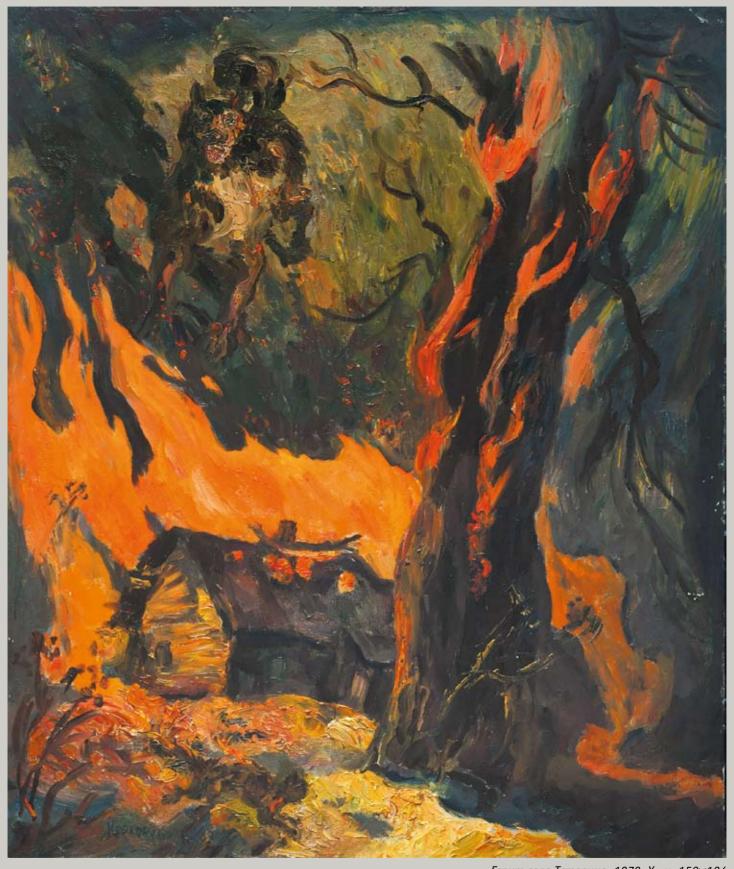

Ты слабый царь! 1984. К., м. 79×49,5 Разграбленная церковь. 1979. К., м. 35×26 Памяти героев Мокшанского полка. 1974. Х., м. 35×44

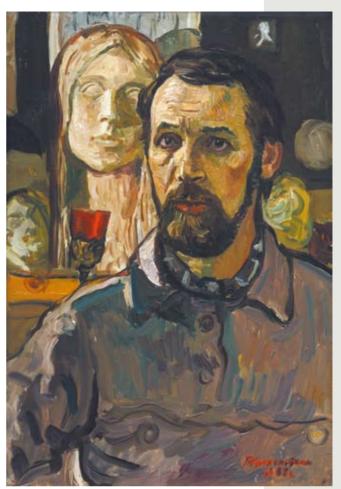
Осень и цветы. 1979. К., м. 71×58

Горит село Тетерино. 1979. Х., м. 150×124 Утро на бульваре. 1987. К., м. 106×85. Частное собрание →

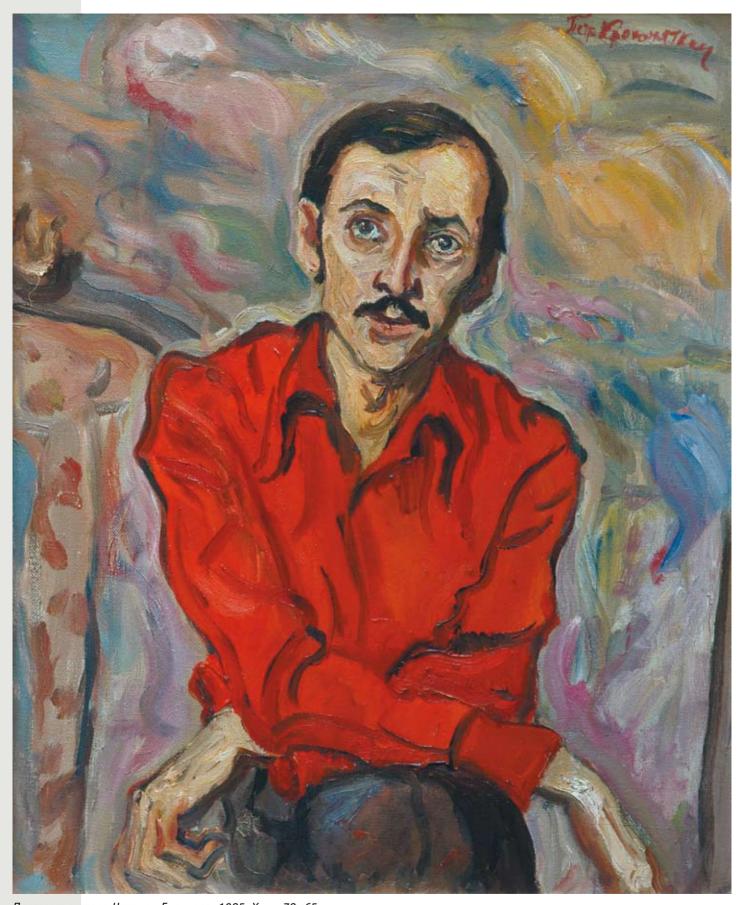

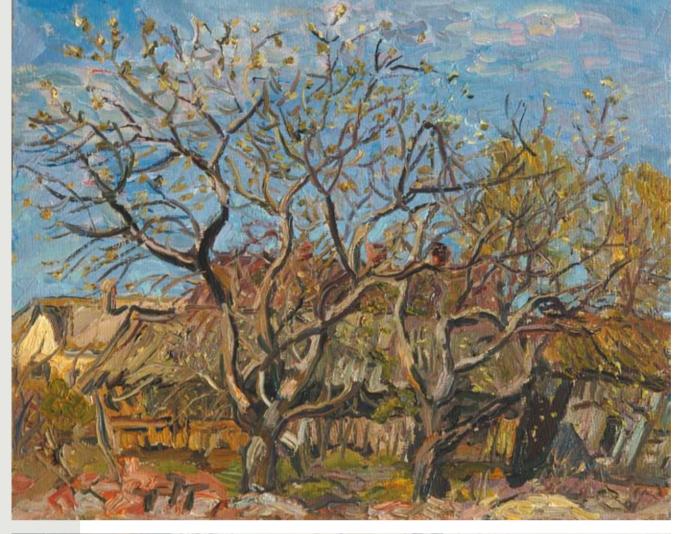
Цветущий сад. 1977. К., м. 43,5×35,5 Автопортрет.1968. Х., м.65×45 Деревенская голгофа. 2008. К., м. 118×68. Частное собрание

Портрет актера Николая Бурляева. 1985. X., м. 78×65

Танец петровского флага. 1980. X., м. 150×150

Ранней весной. 1980. К., м. 35×44 Пробуждение. 1957. К., м. 34×50

Автопортрет. 1977. X., м. 95×80

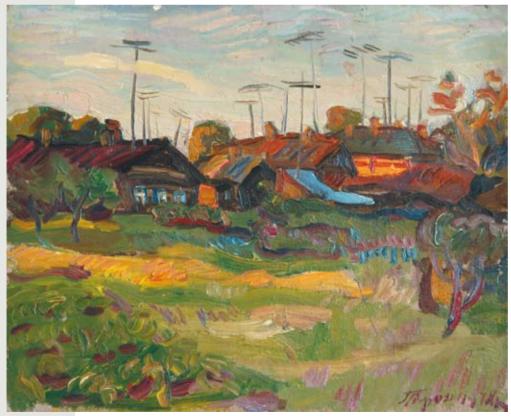

Деревня Горки. 1984. К., м. 31×40 Забытый погост. 1976. К., м. 35×44

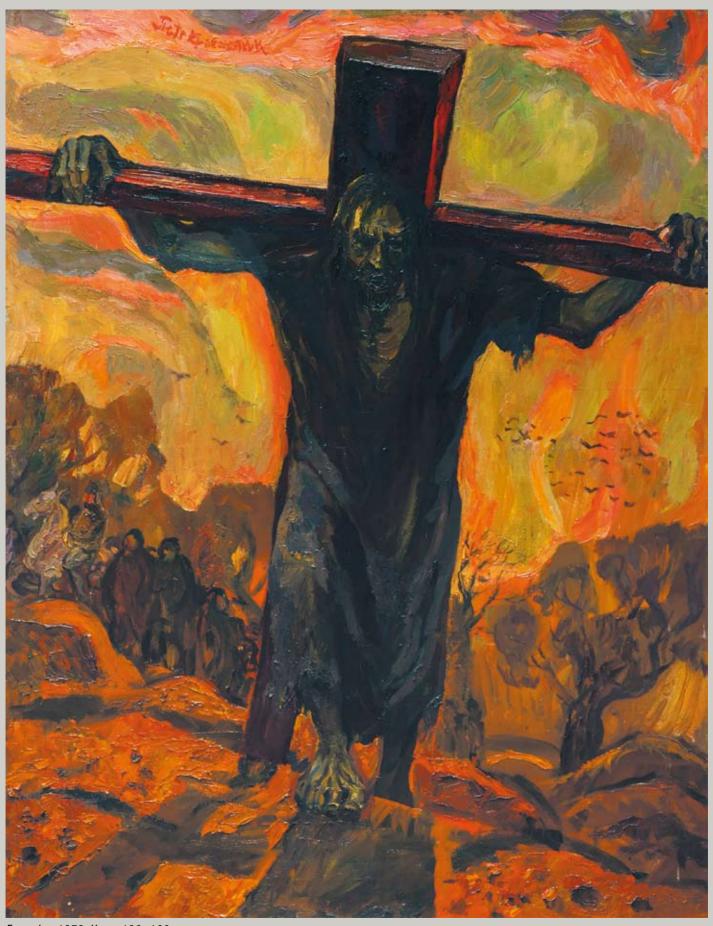

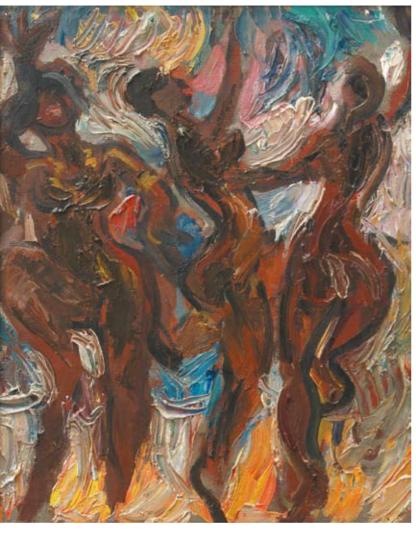
Портрет дочери Ирочки. 1965. К., м. 46,5×39,5 Ода женщине. 1977. Х., м. 120×89 На закате. 1985. К., м. 35×43,5

Параскева и Елизавета. 1982. Х., м. 125х110

Голгофа. 1972. X., м. 130×100

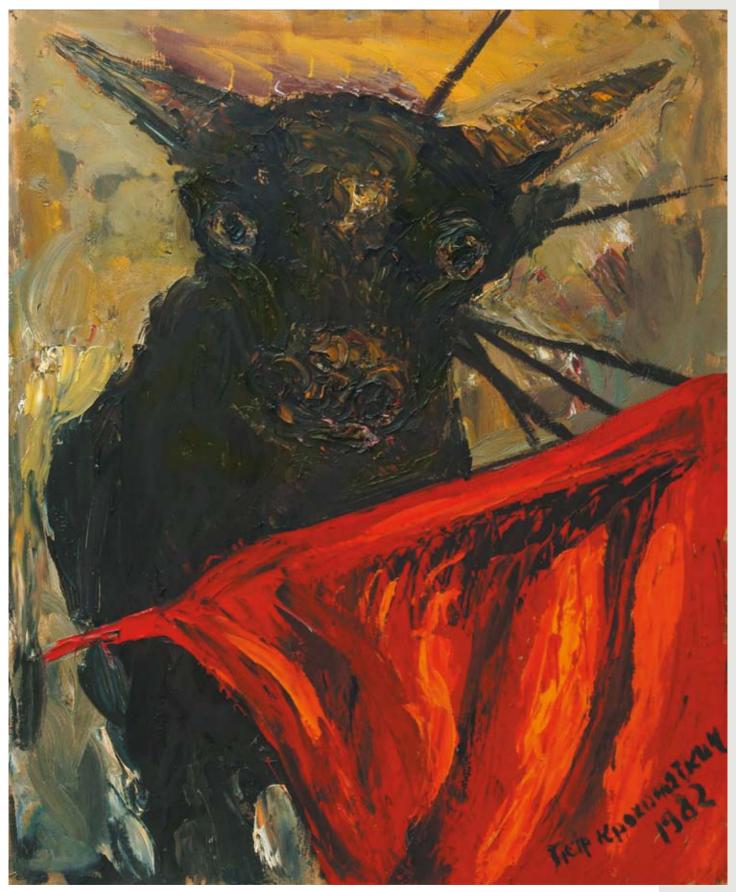

Танцующие в океане. 1972. К., м. 35×20 Буфет в пивной. 1983. Х., м. 90×64,5 Посвящение Леониду Пузину – другу, поэту, художнику. 1974. Х., м. 205×92

Христова заповедь. Не убий! 1983. X., м. 150×150

Коррида. Последний удар. 1982. К., м. 100×79,5

Рождение истины. Купель. 1975. X., м. 150×150

Тропинка, ведущая в лес. 1961. 24×27

Петр Крохоняткин 1929–2018

На первой странице обложки — Автопортрет. 1984. Х., м. 79,5×60 На второй странице обложки — Русь. 1975. Х., м. 130×100 На титульном листе — Вечереет. 1968. К., м. На третьей странице обложки — Зеркало. 1980. К., м. 80×50 На четвертой странице обложки — Двое на дороге. 1984. Х., м. 64×85. Частное собрание

Выставочный зал Ярославского областного отделения ВТОО «Союз художников России»

Ярославль 2019

Стихотворения: Петр Крохоняткин

Авторы статей: Надежда Воинова Виктор Решитов

Фото, дизайн: Георгий Радовский

Отпечатано в Цифровой типографии «ЦМИК»

